

Вообразить Россию

Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии

Дмитрий Замятин

География воображения, имагинальная, или образная география — порождение менталитета эпохи модерна в самом широком смысле; постмодерн лишь по-настоящему осознал эту проблематику и «перевел игру в миттельшпиль», то есть заострил самые важные и существенные вопросы. По сути, в контексте процессов глобализации/глокализации/регионализации страна, регион, территория очень часто существуют в разнообразных коммуникативных и коммуникационных полях как виртуальные образы — мощные или слабые, сложные или простые, широкие или специализированные. И от продвижения, развития, формирования таких образов непосредственно зависят политика, экономика, социальные отношения, культурные репрезентации страны или территории [Замятин 2006б]. (Мы предпочитаем употреблять здесь понятие «*географический образ*», поскольку именно конкретное географическое пространство со всеми его социо-

культурными, художественными, политико-экономическими коннотациями в основном задает и параметры, и условия репрезентации и интерпретации практически всех дискурсов, возможных в данном месте и в данное время.)

Нет сомнения, что постмодерн и соответствующие ему социокультурные процессы глобализации «работают» с множествами, множественностью, вариативностью как с категориями и конструктами, обеспечивающими наиболее адекватное историко-географическое видение [Хардт, Негри 2006; Vauman 2000]. Если на уровне типологии мы можем говорить о некоей единой образной географии страны или региона, то на феноменологическом уровне приходится говорить о множествах образных географий, описывающих и характеризующих онтологическое состояние и со-бытие страны [ср.: Soja 1990]. В то же время поле субъектных образных географий стремится принять вид нескольких признанных географических об-

разов, хорошо «пригнанных друг к другу», широко представленных господствующими коммуникативными способами и постоянно воспроизводящихся в контекстах властных дискурсов. Иначе говоря, образные географии страны могут одновременно и «разбегаться» благодаря все новым и новым, чаще всего индивидуальным или узкогрупповым социокультурным репрезентациям и творческим актам, и сгущаться, собираться, сосредотачиваться некими ментальными, знаково-символическими «сгустками», протоядрами, чье существование может обозначать некую условную волю к образам (иногда хорошо просматривающуюся постфактум, но, по большей части, являющуюся своего рода констелляцией отдельных знаково-символических усилий).

Сконцентрируем наше внимание на способах дискурсивных построений, обеспечивающих определенное «волновое» представление образных географий страны — в нашем случае России. Такая постановка не отвергает, а, по сути, развивает цивилизационное видение и цивилизационную интерпретацию.

Базовые цивилизационные установки в отношении России представляют собой, с нашей точки зрения, концептуальный консенсус, состоящий из трех основных положений:

- Россия является достаточно автономной цивилизацией;
- Россию можно рассматривать как цивилизацию-спутник европейской цивилизации, многим обязанную именно европейской цивилизации;
- Россия вполне вообразима как цивилизация-государство, в рамках которой подавляющее большинство возможных социокультурных и политико-экономических дискурсов осмысляются посредством перевода в доминирую-

щие способы репрезентаций как государственные, «государственнические» или парагосударственные [Россия как цивилизация 2007].

Исходя из этого, воображение пространства России и в России, безусловно, связано с проблематикой европейских дискурсов воображения пространства [Саид 2006; Нойманн 2004; Beyond the Empire 2008]. Власть и образы пространства в России чаще всего объединены типовыми репрезентациями и дискурсами государственного или парагосударственного характера. Главный же вопрос воображения пространства России состоит в следующем: как российская цивилизация-государство может обеспечить, создать, поддерживать достаточно автономные образно-географические дискурсы, идентифицирующие ее цивилизационную уникальность, дистанцирующие ее от других цивилизаций и легитимирующие ее как коммуникативную целостность в мировом пространстве цивилизаций?

Что же это значит: вообразить Россию? Россия сама по себе не представляет скольконибудь значимый образно-географический проект для тех или иных социокультурных сообществ ни на ее государственной территории, ни за ее пределами. В то же время Россия не является масштабной знаково-символической конструкцией, создаваемой на базе неких общих, генерализованных представлений о ее географии — физической, экономической, политической, культурной. С нашей точки зрения, вообразить Россию — значит вообразить «разбегание», расширение, всевозможные трансформации и взаимодействия тех географических образов, которые создаются, строятся, разрабатываются, творятся *как исключения* из общих географических предпосылок представления о России. Иными словами, чтобы вообразить Россию, нужно макси-

мально плотно упаковать, свернуть, сосредоточить все возможные экзогенные географические представления и попытаться с помощью «образного сжатия» и, может быть, «образно-географического взрыва» породить новые образно-географические дискурсы, не учитывающие друг друга в своем генезисе и развитии. Точнее, они, разумеется, сосуществуют и «видят» друг друга, но лишь в том пространстве, которое сами создают своим собственным «разбеганием», своей собственной неуничтожимой и неотменяемой метапространственной трансверсальностью.

Какая же ментальная «метка» может помочь нам обнаружить такое образно-географическое «разбегание» и, следовательно, так или иначе, вообразить Россию? В данном случае мы можем прибегнуть к понятию и образу Северной Евразии. Как понятие, Северная Евразия «узаконена» традиционными географическими схемами и картографическими проекциями видения мира. Как географический образ, она до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов, чьи географические образы практически либо вообще не поддаются репрезентации, либо еще не репрезентированы в рамках внешних по отношению к ним коммуникативных дискурсов [ср.: Замятин 2004; Слезкин 2007]. Но речь не идет о том, чтобы просто заполнить какой-то пустой, ранее плохо использованный «образный ящик», маркирующий условное и безразмерное географическое пространство: образные географии России — коль скоро они представимы и могут развиваться как самостоятельные ментальные поля — должны быть «озабочены» Северной

Евразией как потенциальным ментальным пространством локальных мифологий и мифологических конструкторов. В то же время Северная Евразия может быть очень органичной, емкой когнитивно-географической оболочкой, когнитивно-географическим контекстом для многих образных российских географий, развивающих свою «северность» и «евразийскость» как некие вполне онтологические характеристики — без особого риска попасть в «прокрустово ложе» знаменитого образа России-Евразии 1920–1930-х годов.

* * *

Акцентируя внимание на проблемах условной ментальной воли к образам/географическим образам, приходится задуматься и о той цивилизационной специфике России, которая, возможно, не описывается отмеченными ранее концептами. В сущности, пространству российской цивилизации — в той мере, в какой оно представимо в рамках любой социокультурной манифестации или репрезентации, — онтологически двойственно. С одной стороны, оно может быть вполне образно и содержательно описано и охарактеризовано внешними «наблюдателями» из иных, хотя бы и соседних, цивилизаций и культур. С другой стороны, его можно описать «изнутри» как пространство предстоящее, как бы еще незанятое и пустое — постоянно ждущее «воли к освоению». И это освоение пространства часто становится некоей постоянной онтологической модальностью: российское пространство пребывает в стадии перманентного освоения и тем самым в образном плане осуществляется как пространство перехода и как пространство лиминальное, пограничное, фронтирное [ср.: Замятина 1998]. Подобная пространственно-цивилизационная фронтирность может показаться вполне ти-

пологическим случаем — в сравнении, скажем, с латиноамериканской цивилизацией [Сен 1984; Сравнительное изучение цивилизаций 1998]. Однако, слишком, может быть, затянувшаяся в масштабах европейского цивилизационного времени фронтальная история России (чего, кстати, все же нет в рамках латиноамериканской цивилизации — там фронт укладывается во вполне западные по происхождению образы его преодоления и переживания) может подсказать нам, что внешняя фронтальность российских пространств — признак, возможно, совершенно иного типа цивилизационного осмысления и воображения собственного пространства.

Похоже, что, по крайней мере со второй половины XIX в. (хотя первые социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX в.), российская цивилизация все же постепенно вырабатывает определенные специфические географические образы. Эти образы, с одной стороны, уже не являются простым продолжением и расширением европейского воображения (коим устойчиво «питалась» и воспроизводилась Россия весь XVIII век), а с другой — фиксируют постоянную ситуацию ментального «оконтуривания» условно пустых пространств, предполагаемых в будущем к освоению. Именно эта ментальная «неоконченность», незавершенность географических образов становится, видимо, в течение всего XX в. «фирменным знаком» российских пространств, подтверждающая тем самым их несомненную «российскость». Надо ли говорить, что географические образы неосвоенных или слабоосвоенных пространств вполне органично воспроизводились как образы Сибири и Дальнего Востока (реже — Урала и Русского Севера). Это была серьезная цивилизационная проблема России, остававшейся в своем «го-

сударственническом» самосознании много западнее — как бы запаздывавшей в своей геосториософии [ср.: Замятин 2007б].

Если бы по-прежнему доминировали социокультурные представления европейского/западного модерна, то с большой уверенностью можно было бы говорить о конкретной цивилизационно-образной «шизофрении» России. Однако когнитивная ситуация постмодерна куда больше благоприятствует анализу ментально-цивилизационных «расщеплений», разделений и сосуществований, ибо само пространство становится предметом многочисленных спекуляций [Слотердаик 2007], и географические образы могут рассматриваться как несомненное свидетельство цивилизационной идентичности уже сами по себе, вне жесткой зависимости от каких-то других цивилизационных признаков. Между тем традиционные цивилизационные признаки, продолжающие устойчиво воспроизводиться какими-либо локальными сообществами (например, вполне ортодоксальные для России имперскость и православие), существуют в параллельных ментальных мирах, порождая параллельные образно-географические и ментальные карты.

Будущее становится идеей, получающей свои географические образы и представления, — таков один из предварительных выводов постмодерна. Россия, уже в эпоху модерна, начиная с Г. Лейбница, часто воображавшаяся как страна будущего (причем это был преимущественно европейский дискурс, более или менее успешно и оригинально воспроизводившийся отечественными мыслителями), становится цивилизацией географических образов, призванных как бы вновь и вновь пересоздавать пространства, не поддающиеся строгому и последовательному ментальному картографированию модерна [ср.: Вульф 2003]. Возможно,

основная цивилизационная сила и одновременно цивилизационная специфика России заключается в моделировании географических образов, выходящих за пределы традиционного пространственного воображения других цивилизаций. «Спусковым крючком» для выявления этой цивилизационной специфики стал постмодерн.

Что же тогда представляет собой Северная Евразия как пучок географических образов, долженствующих представить цивилизационную специфику России в ее максимальной полноте и целостности? Это в любом случае пространство, не мыслимое Европой как самодостаточное и автономное — не в силу какой-то ментальной невозможности помыслить такое пространство, но по причине отсутствия устойчивой ментальной необходимости; образ Великой Тартарии был минимально необходим и в то же время достаточен европейской цивилизации для расширенного воспроизводства собственной идентичности, в рамках которой картезианские образы пространства играли хотя и важную, но не самую главную роль [Замятин 2004]. Ментальный экран китайской цивилизации, оказывающийся мощным «противоходом» для чисто европейского воображения [Гране 2004; Кобзев 1988; Малявин 1995; Воскресенский 1995; Воскресенский 1999; Фишман 2003], позволяет говорить о том пространстве, которое «проскакивается», «не замечается» Европой/Западом и, одновременно, довольно безуспешно «втягивается» в пространства Восточной и Юго-Восточной Азии.

Возможно, образно-географическое пространство Северной Евразии открывается в рамках постмодерна как метапространство, предоставляющее принципиально новые способы и дискурсы воображения. Аналогия слишком прозрачна, однако открытие Америки также действительно изменило

европейские дискурсы пространственности, обеспечив тем самым саму возможность разворачивания модерна [ср.: Кайзерлинг 2002; Бодрийяр 2000; Аинса 1999]. Как бы то ни было, даже виртуальное возникновение таких параформальных географических образов, как Северо-Евразийская республика или Северо-Евразийская Федерация, могло бы российскому цивилизационному воображению «сбросить», переработать образный балласт модерна, снять вполне чуждый и запоздавший национализм как когнитивное излишество распадающегося модерна. Пучок географических образов Северной Евразии вполне может мыслиться как метапространство без строго национальных/националистических маркеров, как метапространство, собирающее признаки, символы, знаки «трудных пространств» (термин В. Цымбурского [Цымбурский 2006]) и тем самым как бы предлагающее идентифицировать себя с определенной цивилизацией — здесь-и-сейчас. Иначе говоря, собственно конкретный пространственный опыт в его образно-географических результатах, версиях, манифестациях и может предстать в условиях постмодерна как потенциал вновь развертывающейся цивилизации.

По сути, даже образ самой российской цивилизации может быть, в конце концов, представлен как необходимая пространственная транзакция [см.: Замятин 2006а; Замятин 2007а], посредством которой обретается, производится в ментальном плане метапространство Северной Евразии. И в постмодернистском ключе дискурс этого метапространства может существовать вне каких-либо цивилизационных рамок или натяжек, свойственных эпохе модерна. Итак, Россия как образ цивилизационного перехода (фронтира) порождает необходимое количество и качество оригинальных гео-

графических образов; эти образы оказываются ментальной трансакцией, как бы снимающей сам цивилизационный фронт; благодаря подобной геонимической операции появляется метапространство, чья дифференциация может быть обусловлена сериями последовательных географических образов, определяющих событийность всех вновь возникающих ландшафтов и региональных идентичностей. Онтология цивилизаций вообще может оказаться в таком случае частной, локальной возможностью когнитивного моделирования ретроспективных географических образов, мыслимых как условно замкнутые ментальные миры.

* * *

Если попытаться осуществить «сдвиг на биологический уровень» (концепт С. Эйзенштейна [Эйзенштейн 2002]), то изображение страны/пространства предстает задачей не столько цивилизационного или культурного плана, сколько по-настоящему биологической «вехой», за пределами которой жизнедеятельность и жизнеустройство конкретных человеческих сообществ становится эволюцией с заранее наведенными параметрами, чьим основанием — и онтологическим, и феноменологическим — служат самоорганизующиеся географические образы. В таком случае пространственные идентичности могут рассматриваться как продукты целенаправленных биологических эволюций, порождающих не только определенные биологические виды и их среды, но и их специфические пространственные реальности — как частные модификации и конфигурации более общих типологически географических образов [ср.: Бейтсон 2000; Бейтсон 2007; Элиас 2001]. Локальные сообщества разрабатывают собственные пространственные идентичности как события и, одновременно, как органические части

своей жизни, чьи образно-географические параметры являются, по сути, чистой биологией земного пространства в его топографической феноменологии.

Всякие вновь возникающие отдельные национальные и региональные истории, предполагающие столь же отдельные и своеобразные географии, заключают в себе когнитивные ядра биологических приспособлений, адаптаций. Эти ядра постоянно трансформируются, позволяя локальным воображениям выбирать те когнитивные траектории, которые обеспечивают на данный момент/эпоху оптимальные биологические стратегии выживания, развития, расширения, экспансии. Если же попытаться в первом приближении осмыслить те вариации развития человеческих сообществ, которые описаны и исследованы в рамках культуры модерна (по крайней мере, на протяжении XVIII–XX вв.), то пространственные идентичности могут оказаться неким образным компромиссом между очевидным стремлением сообществ и отдельных личностей биологизировать пространственные среды, становящиеся конкретными социальными проектами, и наличием устойчивого, по всей видимости, глубинно-психологического фундамента, явившегося, возможно, результатом доисторического/догеографического консенсуса в рамках человеческих сообществ. Этот консенсус полагает телесные характеристики земного пространства исключительно внутренними, интровертивными по отношению к любой возможной впоследствии когнитивной интерпретации [ср.: Юнг 2003; Юнг 2006; Кэмпбелл 2004; Слотердайт 2007]. Иначе говоря, пространственные идентичности могут как бы накапливаться, нагнетаться сериями художественных, научных, интеллектуальных осмыслений, социокультурных и социополитических проектов и

манифестаций, оставаясь при этом всякий раз предметом индивидуального биологического выбора/решения.

Что же подобный «сдвиг на биологический уровень» может означать в контексте постоянно формулируемой и переформулируемой проблемы «вообразить Россию»? Как бы то ни было, серии последовательных историй и географий России на протяжении XIX – начала XXI вв. представили страну как строго очерченное «ментальное тело»; «биология» российских пространств завязана в промежуточном итоге на пространственные идентичности, расположенные как бы вовне самих российских пространств. Ментальное перемещение, продвижение пространственных идентичностей вовнутрь как бы пустого или полупустого «тела» России может быть связано как раз с его интенсивной «биологизацией» как места разного рода социокультурных проектов локальных сообществ и личностей. Образно-географическое картографирование в процессе подобной «биологизации» России будет означать формирование новых трансформированных пространственных идентичностей, заряженных на экстравертивные, открытые вовне социальные практики, которые, по сути, являются этапом локальной биологической эволюции.

Нужно ли думать, что проблема «вообразить Россию» является преимущественно феноменологической — даже если осмыслять ее в рамках биологической эволюции? Построение постоянно меняющихся доменов воображения, ориентированных практически на любые социокультурные проблемы как проблемы пространственных идентичностей, возможно точно так же, как постоянно могут формулироваться проблемы «вообразить Германию», «вообразить Францию», «вообразить Бразилию» и т.д. Однако серии пространственных фе-

номенологических опытов (проектов) всякий раз, так или иначе, будут стремиться за пределы феноменологии, ускользать в сторону онтологий неразличимых телесных практик, которыми пространство разлагает свои собственные образы.

В сущности, именно телесные практики, выходящие за собственные пределы в качестве социальных репрезентаций, и обеспечивают минимально возможные локальные образы, превращающиеся в дальнейшем, в ходе широких социально-проектных мультиплицирований, в географические образы стран. Возможность подобных мультиплицирований дают являющиеся изначально пространственными мощные технологии закрепления и преобразования памяти/памятей [ср.: Хальбвакс 2007; Франция-память 1999; Ассман 2004; Флюссер 2008]. Кино, видео, фотография, Интернет, визуальные искусства стали в эпоху постмодерна тотальными пространственными реальностями, заменяющими и закрывающими неэффективные способы опространствления памяти. Любая страна становится в таком случае своей собственной памятью о наиболее массовых пространственных реальностях, фиксируемых ее географическими образами.

Итак, вообразить Россию придется как пространство-тело социальных практик, репрезентируемых своей собственной биологической эволюцией в рамках генерализованного пучка географических образов Северной Евразии. Пространственные идентичности, формируемые подобным образно-географическим пучком, будут, скорее всего, постоянно дифференцироваться как в сторону несомненного упрощения («гладкие поверхности» массовых идентичностей типовых локальных сообществ), так и в сторону неожиданных локальных «взрывов» («сложные поверхности» анклавных сообществ, мыслящих

свое «технэ» как оригинальный и неповторимый топографический опыт). Такие дифференциации опять-таки можно представить или вообразить как расходящиеся,

раздвигающиеся пространственные поля, остающиеся, тем не менее, в процессе своего расширения связными и коммуникативными.

п р и м е ч а н и я

Аинса Ф. 1999. Реконструкция утопии. Эссе. М.: Наследие.

Ассман Я. 2004. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры.

Бейтсон Г. 2000. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл.

Бейтсон Г. 2007. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: КомКнига.

Бодрийар Ж. 2000. Америка. СПб.: «Владимир Даль».

Воскресенский А.Д. 1995. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли.

Воскресенский А.Д. 1999. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ.

Вульф Л. 2003. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение.

Гране М. 2004. Китайская мысль. М.: Республика.

Замятин Д.Н. 2004. Азиатско-Тихоокеанский регион и Северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI веке // «Восток», № 1.

Замятин Д. 2006а. Геономика: пространство как образ и транзакция // «Мировая экономика и международные отношения», № 5.

Замятин Д.Н. 2006б. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак.

Замятин Д.Н. 2007а. Пространство как образ и транзакция: к становлению геономики // «Политические исследования», № 1.

Замятин Д.Н. 2007б. Россия и *нигде*: географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука.

Замятина Н.Ю. 1998. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах //

«Общественные науки и современность», № 5.

Кайзерлинг Г. фон. 2002. Америка. Заря нового мира. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

Кобзев А.И. 1988. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука».

Кэмпбелл Дж. 2004. Мифический образ. М.: АСТ.

Малявин В.В. 1995. Китай в XVI–XVII веках. Традиция и культура. М.: Искусство.

Нойманн И. 2004. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство.

Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. 2007 / Отв. ред. И.Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука.

Саид Э. 2006. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир.

Сea Л. 1984. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс.

Слезкин Ю. 2007. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение.

Слотердаик П. 2007. Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб.: Наука.

Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов вузов. 1998 / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс.

Фишман О.Л. 2003. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение.

Флюссер В. 2008. За философию фотографии. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Франция-память. 1999 / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство.

Хардт М., Негри А. 2006. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция.

Цымбурский В.Л. 2006. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН.

Эйзенштейн С.М. 2002. Метод. Т. 1. М.: Музей кино.

Элиас Н. 2001. Общество индивидов. М.: Праксис.

Юнг К. 2003. Символическая жизнь. М.: Когито-Центр.

Юнг К. 2006. Психология бессознательного. М.: Когито-Центр.

Bauman Z. 2000. Liquid Modernity. Cambridge.

Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. 2008. Sapporo.

Soja E.W. 1990. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. L.: Verso.

К десятилетию факультета политологии МГИМО (У) МИД России

К десятилетнему юбилею факультета политологии МГИМО (У) МИД России выпущено информационно-аналитическое издание: *Факультет политологии МГИМО-Университета / Под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО (У) МИД России, 2008. — 112 с.*

Авторами юбилейной книги выступили руководители и ведущие представители профессорско-преподавательского состава факультета: Т.А. Алексеева, А.Д. Богатуров, А.Д. Воскресенский, В.В. Гриб, М.В. Ильин, М.М. Лебедева, И.А. Мазаева, А.Ю. Мельвиль, Т.А. Шаклеина, М.А. Троицкий, А.А. Чанышев.

В книге рассказывается о сегодняшнем дне и истории факультета политологии МГИМО как научной и образовательной школы, анализируются новейшие образовательные методики и результаты их внедрения, описываются планы модернизации учебного процесса и развития исследований на факультетских кафедрах. Издание дает комплексное представление о преимуществах образования на факультете, студенческой жизни и перспективах развития карьеры его выпускников. Оно ориентировано на широкий круг читателей, включая экспертов-политологов и международных преподавателей, студентов и абитуриентов вузов.